

ПРОБЛЕМА ЖАНРА В “HYMN TO PROSERPINE” СУИНБЕРНА

Жук Александра Дмитриевна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры отечественной и зарубежной литературы Московского государственного лингвистического

университета,

119034, РФ, Москва, Остоженка, д. 38, комн. 58

GENRE PROBLEM IN SWINBURNE’S “HYMN TO PROSERPINE”

Alexandra Zhuk

Ph.D. in Philology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of the Russian and Foreign Literature in Moscow State Linguistic University,

119034, RF, Moscow, Ostozhenka, 38, room 58.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме жанра в мало изученном “Hymn to Proserpine” (1866) А.Ч. Суинберна. Отмечается соединение жанровых черт гимна, оды и элегии. Исследуются содержательные и формальные особенности гимна. Рассматривается трансформация античных и христианских образов в произведении, приводящая к изменению жанра.

Ключевые слова: гимн, ода, элегия, жанр.

ABSTRACT

The article is devoted to genre problem in little known “Hymn to Proserpine” by A.C. Swinburne. The synthesis of ode, hymn and elegy is noticed. The author researches content and formal specific features of the hymn. The article tells about transformation of ancient and Christian images in the work and, as result, genre modification.

Key words: hymn, ode, elegy, genre.

“Hymn to Proserpine” (1866) А.Ч. Суинберна представляет собой сложную жанровую разновидность, соединяющую черты гимна, оды и элегии. Произведение имеет довольно необычный подзаголовок: “After the proclamation in Rome of the Christian Faith”, - который вводит серьезную проблему

соотношения и борьбы христианства и язычества. Подобная тема характерна скорее для богословского сочинения, чем для поэтического жанра, особенно такого, как гимн, целью которого является восхваление адресата через обращение к чувствам слушателя. В данном случае происходит сравнение языческого культа античной богини Прозерпины с христианством, что привносит в гимн рациональное начало, свойственное жанру оды. Это начало поддерживается также латинским эпиграфом, в качестве которого использованы слова, сказанные по преданию Понтием Пилатом Христу: “Vicisti, Galilae.” Однако это утверждение вызывает у поэта сомнения и сам гимн строится как его опровержение.

Произведение начинается с обращения к Прозерпине, которая больше, чем день, утро и времена года (“more the day or the morrow, the seasons”), ибо они дают (give) радость и печаль (joy and sorrow), а Прозерпина – сон (sleep). Сон всегда был метафорой смерти, и Суинберн сохраняет это значение, но возникает оно по отношению к Богам. Люди считают, что прежние Боги, сброшенные с трона, мертвы, уничтожены, а мир освобожден от их гнева:

“O Gods dethroned and deceased, cast forth, wiped out in a day!

From your wrath is the world released, redeemed from your chains, men say” [2, с. 76].

В данном примере использовано сразу несколько слов с семой уничтожения и с семой избавления: dethroned, deceased, cast forth, wiped out, released, redeemed from your chains. Это придает тексту особую эмоциональность и тем самым усиливает гимническое начало. В то же время само значение слов, связанное с уничтожением, умиранием, привносит в гимн несвойственную жанру тему смерти, в данном случае смерти прежних богов, что приводит к появлению в гимне элегических черт.

Люди коронуют новых «молодых сострадательных» (the young compassionate Gods) богов, но дни с ними пусты (“the days are bare”), а сами они бесплодны. Прежние боги забыты, хотя именно они дают человеку ежедневное дыхание (“For the Gods we know not of, who give us our daily breath” [там же, с.

76]). О них ничего не знают, кроме того, что они «жестоки как любовь или жизнь и прекрасны как смерть» (“We know they are cruel as love or life, and lovely as death” [там же, с. 76]). Суинберн использует оксюморон, который, с одной стороны, придает тексту эмоциональность и тем самым усиливает гимническое начало, а с другой – обращен к разуму слушателя и потому связан с рациональным одическим началом, хотя и несколько необычно, так как предполагает нарушение обычной логики. Время и боги борются друг с другом (“Time and the Gods are at strife” [там же, с. 76]). Но жизнь человека и так горька, а христианство отвергает радости жизни. При этом оно не способно ничего дать взамен, кроме труда и нового горя, что еще больше омрачает жизнь человека. Мир лишен многоцветия, лишен гармонии, которая была прежде. Суинберн повторяет слова эпитафии, но немного видоизменяя их:

“Thou hast conquered, O pale Galilean; the world has grown grey from thy breath...” [там же, с. 77].

Христос (в тексте *Galilean* – «Галилеянин») называется «бледным» (*pale*), а мир становится серым от его дыхания. Больше того, если Прозерпина дает смерть-сон, то христианство приносит только смерть, что в тексте гимна подчеркивается использованием соответствующей лексики: *barren breasts, bare, barren bosom, bitter milk, die, grievous thing, grief, to blacken, “dead limbs of thy gibbeted Gods”, “deep death”, “thy dead”, etc.* Мир становится пустым, бесплодным. Отсюда такие выражения, как “draining a little life from the barren breasts of love”, “Till the bitter milk of her breast and the barren bosom shall cease” [там же, с. 76], и т.п. Весь мир наполняется ожиданием смерти, что подчеркивается использованием соответствующих эпитетов:

“All delicate days and pleasant, all spirits and sorrows are cast
Far out with the foam of the present that sweeps to the surf of the past:
Where beyond the extreme sea-wall, and between the remote sea-gates,
Waste water washes, and tall ships founder, and deep death waits:
Where, mighty with deepening sides, clad about with the seas as with
wings,

And impelled of invisible tides, and fulfilled of unspeaking things,
White-eyed and poisonous-finned, shark-toothed and serpentine-curved,
Rolls, under the whitening wind of the future, the wave of the world” [там же,
с. 78], etc.

Он наполнен горечью, разрушением, тяжким трудом. При этом необходимо обратить внимание на обилие анафор с “And” («и»), которые, с одной стороны, усиливают эмоциональное начало, присущее жанру гимну, а с другой – соотносятся с библейским текстом для которого характерно использование подобного приема. Ср.:

“ And bitter as blood is the spray; and the crests are as fangs that
devour:

And its vapour and storm of its steam as the sighing of spirits to be;

And its noise as the noise in a dream; and its depth as the roots of the sea...”

[там же, с. 79]

и «И сказал Бог: да будет свет, И стал свет. И увидел бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один» (Быт. 1:3-5), и т.п. В то же время лексика с подобной семантикой усиливает элегическое начало, традиционно связываемое со смертью, разрушением, уничтожением и т.п.

Но как невозможно обуздать (bridle) вожжами (with reins) глубокое море (the deep sea), так невозможно и сковать (to chain) Прозерпину, которая намного старше новых богов. Все проходит, и настоящее обязательно будет смыто волной прошлого. И эти боги тоже умрут и их снова забудут. Победа Галилеянина временная. Его, как и новых богов, мир сменит на королей (досл. “shall forget you for kings” – «забудет вас для королей»). Обращаясь к Христу, поэт говорит:

“Though these that were Gods are dead, and thou being dead art a God,

Though before thee the throned Cytherean be fallen, and hidden her Head,

Yet thy kingdom shall pass, Galilean, thy dead shall go down to thee dead” [2,
с. 79-80].

Миру христианства противопоставлен языческий мир, мать которого – «цветок цветущих морей» (“a blossom of flowering seas”)- одета желанием мира как одеянием (“Clothed round with the world’s desire as with raiment”) и чудесна как пена (“fair as the foam”). Культу Божией Матери противостоит культ Прозерпины, которая не погружается в печаль. Волосы Прозерпины «нагружены» ароматом и цветом цветов (“heavily laden with odour and colour of flowers”), белой розой розово-белой воды (White rose of the rose-white water), серебряным блеском (a silver splendour), пламенем (a flame). Земля от ее появления становится милой (sweet). И приходит она не как «раб среди рабов» (“a slave among slaves”), как Христос, а вытекая из волны (“flushed from the full-flushed wave”). Прежние боги, и Прозерпина в том числе, не умерли и обязательно вернуться. Эта идея подчеркивается на формальном уровне повторением стиха, обращенного к богине:

“I have lived long enough, having seen one thing, that love hath an end;

Goddess and maiden and queen, be near me now and befriend” [там же, с. 75],

“But I turn to her still, having seen she shall surely abide in the end;

Goddess and maiden and queen, be near me now and befriend” [там же, с. 81].

Показательно, что если, когда речь идет о христианстве, господствует элегическое и одическое начало, то во фрагментах, посвященных восхвалению Прозерпины и античных богов, выдерживается гимнический ассоциативный принцип построения. Поэт называет богиню «дочерью земли», его матери, ее короной и цветком рождения (“O daughter of earth, of my mother, her crown and blossom of birth”), а себя ее братом (“I am also, I also, thy brother”). Ее глаза он сравнивает с лунами на небесах (“as moons are in heaven”) ночью (in the night), где тишина более мелодична (“Where the silence is more than all tunes”), сон разливается из сердца (“where sleep overflows from the heart”). При этом постоянно повторяется слово “sleep” («сон», «спать»): “where sleep overflows from the heart” [там же, с. 81], “And the murmur of spirits that sleep in the shadow of

Gods from afar” [там же, с. 81], “I shall die as my fathers died, and sleep as they sleep; even so” [там же, с. 82]. Это тоже смерть, но другая, связанная с гармонией мира. На символическом уровне тоже подчеркивается значение смерти: это и ночь (night) как конец земной жизни человека, и символика белого цвета, который во многих древних культурах был цветом траура. То есть Прозерпина тоже несет смерть, и именно потому она выше других богов. Суинберн объединяет оба образа сна и смерти в конце стихотворения:

“I shall die as my fathers died, and sleep as they sleep; even so” [там же, с. 82],
и чуть позже

“For there is no God found stronger than death; and death is a sleep” [там же, с. 82].

Но смерть, которую приносит Прозерпина, не страшна, ибо она – сон, а не ужас и трагедия. Таким образом, в конце гимна вновь возникают **элегические** мотивы, но уже в связи с восхваляемой богиней.

Если элегическое начало выражено на уровне содержания, то одическое и гимническое также и на формальном уровне. Одическое начало на уровне формы, как и в других одических гимнах, проявляется в использовании многочисленных синтаксических конструкций с отношениями логической обусловленности со значением причины с союзом “for”, а также риторических вопросов и сравнений.

Способы выражения гимнического начала на формальном уровне также вполне традиционны – через многочисленные повторы и восклицания, придающие тексту особую эмоциональность, а также через использование поэтом устаревших форм и возвышенно-поэтической лексики (ye, thee, thou, thine, thy, art (как глагольная форма от to be), morrow, sunder, etc).

Итак, в творчестве Суинберна складывается новая для английской литературы разновидность гимнического жанра – одически-элегический гимн. В результате происходит смешение особенностей традиционно «высоких» (гимна, оды) и «средних» (элегии) жанров, разрушается жанровая система, характерная для предшествующего периода, и изменяется само представление о жанре.

Список литературы:

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. - М.: Издание Московской Патриархии, 1992. – 1372 с.
2. Swinburne A.C. Poems and ballads by Algernon Charles Swinburne. – London: Chatto & Windus, Piccadilly, 1882. – 338 p.

References:

1. The Bible. The books of the Old and New Testaments. – M.: Printed by Moscow Patriarchate, 1992. – 1372 p. (In Russian).
2. Swinburne A.C. Poems and ballads by Algernon Charles Swinburne. - London: Chatto & Windus, Piccadilly, 1882. - 338 p.